

Система сельского расселения Каргополья. Конец XIX - начало XXI веков. Эволюция. Типология.

Д.В. Тормосов, Н.И. Тормосова.
Каргопольский государственный
историко-архитектурный и
художественный музей.

Уникальный историко-культурный регион Каргополье включает в себя много составляющих. Особое место занимает традиционная система сельского расселения как неотъемлемая часть истории и культуры северного крестьянства. Ее эволюция является одним из важных изучаемых процессов, непосредственно повлиявших на качественный состав объектов наследия. Исследования системы расселения Каргополья носят комплексный характер, включая в себя исторический, социально-экономический и пространственный аспекты.

В 2003-2004 гг. в рамках проекта «Система сельского расселения Каргополья как пространственная основа формирования социальной общности» при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Архангельской области проведены архивные и полевые исследования модельных участков территории Каргополья в границах уезда на конец XIX в. Задачами проекта являются определение основных характеристик системы сельского расселения Каргополья как составной части Русского Севера, изучение ее эволюции и проведение сравнительного социально-пространственного анализа основных составляющих системы расселения на периоды: к. XIX-н. XX вв. и к. XX-н. XXI вв. Натурное обследование соотносилось с данными документальных и картографических источников. Было уточнено проведенное предварительно районирование территории Каргополья по следующим факторам: территориально-структурная целостность, единство социально-экономических взаимосвязей, административная общность, историческая обособленность. В результате территория Каргополья была условно разделена на 8 субрегионов¹, объединяющих в своем составе по несколько волостей. В четырех субрегионах были выбраны модельные участки – волости для более подробного исследования (см. схему 1). Для системного анализа структуры сельского расселения Каргополья использовалась не только уже существующая терминология (волость, куст поселений, поселение). Был введен ряд определений некоторых категорий расселенческой структуры и ее основных ячеек:

1. <u>Субрегион</u>	Территория, которая условно объединена по территориально-географическому фактору и
---------------------	--

	наличию социально-экономических взаимосвязей. Включает в себя от одной до нескольких волостей.
2. <u>Волость</u> (сельсовет)	Административно-территориальная единица, составная часть уезда (района).
3. <u>Сообщество поселений.</u>	Территориальное понятие. Объединяет несколько кустов поселений. Имеет выраженные исторические и социальные связи между составляющими, и нередко пространственные. Обычно имеет главный куст поселений сообщества, где находился или находится культовый центр.
4. <u>Куст поселений.</u>	Несколько поселений, тяготеющих друг к другу. Имеет ярко выраженную пространственную, коммуникационную и социальную общность поселений, входящих в него, читаемую внутреннюю структуру.
5. <u>Группа поселений.</u>	Несколько поселений внутри куста, имеющие теснейшие исторически сложившиеся социальные взаимосвязи.
6. <u>Поселения.</u> - существующее поселение - утраченное поселение	Составная часть куста поселений – деревня. Первичная поселенческая ячейка. Поселение, сохранившие хотя бы один объект застройки Поселение, не сохранившее объектов застройки

В настоящей статье большее внимание будет уделено понятиям куст поселений и сообщество. За точку отсчета был взят конец XIX века. К этому времени система сельских поселений находилась в сформированном устойчивом состоянии и существовала практически без изменений до середины XX в.

Субрегион **Окологород**³ объединяет территории, непосредственно прилегающие к городу Каргополю. Через него, пересекаясь, проходят тракты С.-Петербург - Архангельск, Пудожский и Шенкурский и дорога местного значения на Ошевенск. Они делят территорию на своего рода сегменты, пространство которых на расстоянии от города все больше увеличивается. Пресекающиеся дороги сформировали структуру Окологорода. Сеть поселений (на примере Павловской волости) сформирована на ровном безводном плато, и имеет специфику водораздельных. (см. схему 2). Исключением является Надпорожская волость, расположенная по берегам р. Онеги, где поселения имеют приречный тип (см. схему 4). В Окологород она включена из-за близости

к городу и сходству социально-экономической специфики с Павловской волостью. Расположение кустов поселений нескольких волостей в непосредственной близости от города стало причиной теснейших социально-экономических взаимосвязей сельского населения с Каргополом. Для ближайших к Каргополю кустов деревень роль храмовых доминант города была в визуальном плане исключительно высока. В Окологороде выделены сообщества: Павловское, Волковское, Саунинское и Надпорожское, сформировавшиеся в границах волостей XVI в.

Ухотское сообщество.

Особенности субрегиона «Бассейн оз. Лаче» изучались на примере поселений Ухотского сельского совета (50 км. от Каргополя), границы которого практически совпадают с границами Ухотской волости конца XIX в. Ухотская волость в к. XVIII в. была включена в состав вновь образованного Вытегорского уезда, где и пробыла до 1923 г. В период административных преобразований уже Советского государства, Ухотская волость была отнесена к Каргополю. Ухотские деревни расположены вдоль нижнего течения реки Ухты, впадающей в озеро Лаче в его юго-западной части, где вблизи проходит Петербургский тракт (см. фото 1). Большинство поселений обследуемой волости, последовательно расположенные вдоль реки и поблизости от тракта выделены нами в единое Ухотское сообщество, включавшее в себя 5 кустов поселений. При изучении социальных взаимосвязей внутри кустов были определены группы поселений.

Формирование деревень внутри куста обусловлено естественным процессом освоения потенциальных угодий. Площадь, пригодная для обработки земли, предопределяла размеры куста деревень. Как правило, на Русском Севере, возможность создания угодий напрямую соответствовала близости водных артерий. Реки и озера не только имели определенный ресурс почв на их берегах. Они так же создавали возможность коммуникации. Для расположения поселений выбирались места, которые не наносили ущерб угодьям. Поэтому любая деревня имела пределы пространственной емкости. Формирование куста деревень происходило в течение определенного времени. Возможность образования новой деревни диктовалась пространством: возможным местом расположения и включения в сельскохозяйственный оборот части новых угодий. Куст деревень был наиболее стабильной расселенческой ячейкой Севера. Неудобные для обработки земли служили пространственными разделами между кустами деревень. Поселенческая ткань любой территории на Русском Севере складывалась по пространственным законам кустов деревень. Их расположение, объем и роль по отношению к соседним кустам, предопределяли характер

территориально-социальных взаимоотношений более высокого уровня – сообществ.

В Ухте сообщество было единым на протяжении всего устойчивого периода системы расселения. Озеро Лаче имеет низкие болотистые берега, что особо выражено в его западной части. Поэтому ухотские поселения отстоят от берега озера на расстоянии 3 км. от устья реки Ухты. Болотные массивы проходят двумя полосами в направлении север-юг. Первая полоса болот проходит вдоль берега озера, вторая – западнее ухотских деревень в районе впадения в Ухту реки Поржала. Петербургский тракт проходит так же в направлении север-юг между массивами болот. Являясь наряду с рекой Ухтой структуро-образующим элементом при формировании обследуемых поселений, он сформировал с рекой компактную кресчатую структуру пригодного для расположения Ухотских кустов деревень пространственного участка. Ограниченный непригодными для сельского хозяйства территориями этот участок смог вместить несколько кустов деревень. Большие расстояния до других подобных участков создало пространственную автономию Ухотского сообщества и предопределило его историческую цельность и стабильность.

Кусты Ухотского сообщества имеют классические черты. 1. Все были пространственно обособлены. Пороги на р.Ухте создают условия для естественного разрыва между ними. 8 деревень Низовского куста, компактно сконцентрированы вблизи реки и тракта. Деревни Ереминского куста начинаются через 1 км. На расстоянии 5 км. выше по течению реки находится куст Ближнее Верховье. Выше Ближнего Верховья река образует большую излучину, где находились деревни куста Дальнее Верховье. Ближнее и Дальнее Верховье составляли одно Юркинское сельское общество. Южнее приречных кустов, на расстоянии 3 км. вдоль тракта расположен Никифоровский куст. Паловский куст деревень (Вахрушевское сельское общество), находился между болотными массивами на удалении, как от реки Ухты, так и от тракта. Наличие самостоятельного Паловского погоста и сильное тяготение, со слов информантов, к поселениям Шильды и Чурилова, стали основанием для не включения его в Ухотское сообщество. 2. Большинство деревень в кустах находились в единой пространственной взаимосвязи. В настоящее время из-за сильного зарастания полей, берегов реки и утраты многих поселений наблюдать это невозможно. 3. Социальное взаимотяготение: свои часовни, свои праздники: *«От Васильева до Прокопьева Иванов день. А в Дальнем Верховье – Казанская. В Никифорово – Воздвиженье. В Еремине Макарий. В Троицу гуляли в Ухте на мосту»*, – В.М. Пафнухина. 4. Деревни были малой и средней дворности. Особенностью является то, что из 5 сельских обществ Ухотской волости только одно

состояло из двух кустов, все остальные кусты имели статус обществ. Число деревень в кустах было от 5 до 10.

Низовской куст – «Ухта»

Пространственно Низовской куст занимал ведущее положение в сообществе (см. схему 3). Именно здесь Петербургский тракт пересекает реку, и все деревни куста были связаны с рекой и дорогой. Важным моментом служит то, что в составе Низовского куста находился Ухотский погост (см. фото 2 Ухотский погост нач. 20 в.). Сакральный центр, что показали исследования на других территориях, ассоциируется с центром сообщества. Здесь же совпала постоянная близость и административно-социальных учреждений. В правобережной группе деревень Низовского куста помимо церкви находилось земское училище и лавки торгующих крестьян Калыгиных. В левобережной группе – в деревнях Тоболкино и Ефремово располагались волостное правление и почтово/телеграфное отделение. Деревня Тоболкино занимала особое место. Она первая встречала проезжающих со стороны Каргополя, ее застройка соединяла тракт и реку. В к. XIX в. здесь располагалось волостное правление и почтово/телеграфное отделение. На фотографии н. XX в. представлено здание волостного правления. (см. фото 3).

Месторасположение административных и социальных учреждений сохранялось до середины XX в. Только в 1930-е гг., как и везде, перестал функционировать погост. С к. 1960-х гг. в период концентрации сельскохозяйственного производства, решением сверху перспективными деревнями были выбраны деревни Песок и Ильино на правом берегу реки. Сюда переводятся администрация сельсовета и почта, строится новое здание школы. Ильино, бывшая до этого совсем небольшой, застраивается жилыми типовыми домами. Новый поселок раскинулся на месте Ильинского поля, «самого плодородного» по словам старожилов. Эта же деревня становится центральной усадьбой совхоза «Ухотский». Компактное расположение деревень центра Ухты и их значение для социально-экономического развития территории в XX в. определило современный пространственный облик куста. Здесь самая большая плотность застройки. Укрупнение деревень привело к слиянию деревень Песок, Ильино, Попадьино и Низ. Но, несмотря на это местные жители их четко различают, указывая старые границы. Устойчивое местоположение не только сакрального центра, но и социальных и административных учреждений стало основой формирования определенных отличительных черт. Здесь не утрачена ни одна деревня. Это объясняется их близостью к официальному центру, поэтому людям не было смысла отсюда переезжать. Все деревни, кроме Ильино, сохранили традиционную планировку и застройку. Привязка к «большой» дороге и река создали ее комбинированный тип. Общего самоназвания у куста нет. В ходе

экспедиции отмечено широкое бытование термина «волость». Его употребляют жители из других селений по отношению к деревням Низовского куста, называя его «Ухтой» или «волостью». *«Мы всегда считали, что живем в центре Ухты и волостью называли только жители из деревень за 5-6 км. от нас»*, – В.И. Косарева, 1935 г.р. д. Попадьино. А.В. Симухин 1928 г.р. из д. Рукино сказал, что всегда говорит: *«Пошел в волость»*. На вопрос: Почему? – ответил: *«Раньше здесь было волостное правление. Это в д. Тоболкине двухэтажный дом, Кокушин сейчас живет»*. Н.А. Левина, 1921 г.р. из д. Ефремова также вспоминает первоначальное местоположение административного центра: *«Наша деревня называлась «волостью. И волостное управление – это все сельсоветы, и всё, было у нас в центре. Центр в деревнях Ефремово и Тоболкино»*. То, что административные учреждения переместились из одной группы в другую, помнят только жители самого куста. Ухотляне не из «Ухты» не уточняют, где что было. Для них «Ухта» - центр, волость. *«В магазин пошли в волость или в Ухту»*, – Е.Е. Матюхина, 1936 г.р. д. Леонтьева. *«...Потом поехали работоспособные в центр, в Ухту»*, – А.П. Макарова, 1920 г.р. д. Никифорово. *«А вообще вся эта округа волость. Здесь центр, дак наверное, поэтому. Здесь вот церковь, да и дома тут большие. Раньше волостной суд был, это издавна идет всё»*, - В.М. Пафнухина, 1933 г.р. объясняется это тем, что Низовской куст, на протяжении всего исторического периода сохранил свое ведущее положение в Ухотском сообществе. Важнейшей причиной стабильного положения куста «Ухта» несомненно, является то обстоятельство, что он находится на древнейшей дороге. Сухопутный путь, связывавший Каргополь с Вологодой и Москвой еще в средние века, шел вдоль озера Лаче и далее на Белоозеро. Его участок от Каргополя до Черной слободы в середине XVIII в. стал частью почтового тракта С.-Петербург-Архангельск. Значение этой дороги сохраняется и в наше время.

Ерёминский куст

Ерёминский куст состоял из 10 деревень и отдельно стоявшей усадьбы. Необходимо отметить, что наличие помещичьего землевладения (для Вытегорского уезда это не было исключительным явлением, а для Каргополя было не характерно), имело определенное значение для ухотской системы расселения. Помещичьи усадьбы, мызы находились как отдельно, так и в черте деревень. Это придавало своеобразные, не присущие северным деревням, черты ухотским селениям. В настоящее время от них практически ничего не осталось. Название д. Еремина объясняют следующим образом: *«Наверное, какой-то Ерёма, богатый помещик. В роще где-то жил. Помещик скота много держал, работники были; потом там были какие-то волостные»*, - К.П.Берязина, 1932 г.р. д. Окулова. О том, что д.Леонтьева была в частном владении говорится в

документе к. XVIII в: «*Деревня бывшая Шулепниковой и Скворцовых*»⁵. В 1911 г. в д. Леонтьево выстроена земская больница, которая обслуживала все деревни 3 стана Вытегорского уезда. В 1920-е годы в усадьбе помещика в Еремино недолгое время располагался сельсовет. Деревни Еремина и Леонтьева располагаясь на противоположных берегах Ухты друг напротив друга, раньше были связаны мостом. На основе рассказов информантов они выделены в отдельную группу. Сейчас данные деревни насчитывают примерно по 10 домов. Основной контингент их жителей – пенсионеры. Остальные деревни Ереминского куста: Ершова, Окулова, Ермолина, Брюхова, Кобылина, Рукина, Новое село были совсем небольшими и находились в непосредственной близости от сохранившихся. Большинство из них прекратили свое существование в 1970-е гг. Процесс «ранней ликвидации» группы малодворных деревень аналогичен тому, что происходил в Окологороде. Центр как бы поглотил слабую округу (см. фото 4).

Ближнее Верховье

Куст состоял из 5 поселений, из которых 3 пока жилые. Основной контингент жителей пенсионеры. На небольшом островке в самом крутом месте излучины находилась часовня этой группы деревень, ныне утраченная. По словам информантов она была шатровая и служила доминантой этой местности. Пространства сельскохозяйственных угодий в Ближнем Верховье зрительно меньше, чем в низовских кустах.

Дальнее Верховье

7 деревень куста Дальнее Верховье были небольшими. В отличие от других кустов, деревни здесь располагались небольшими группами только по правому берегу реки. Это связано с тем, что непосредственно к левому берегу Ухты подходят болота. Проселочная дорога, ранее идущая вдоль берега реки, после Дальнего Верховья отходит от Ухты и проходит в южном направлении, связывая Верховье с Палами. «*Вверх по реке жили, так Верховьем называлось. Много деревён было*», – А.Я. Калиничева, 1914 г.р. д. Сергеева. В настоящее время в Дальнем Верховье нет ни одной жилой деревни. От многих остались только исторические места. По причине своей удаленности от искусственно образованных центров производства в 1960-е гг. жители Дальнего Верховья одними из первых начали выезжать. Несмотря на то, что в Ближнем Верховье была образована ферма, их соседи сюда не переезжали. Какой смысл переезжать из деревни в деревню, если совхоз дает возможность (предоставлялась техника) поселиться в благоустроенном поселке, в какой пытались превратить центр Ухты. Л.М. Иванушков так характеризует происходившие события: «*Выезжали в Ухту, хорошие дома все перевезли. Ото всюду скот в одну кучу сгнали, людей в одну кучу сгнали, вот собачий вой и получился... Жили бы то в каждой*

деревне, был народ и все бы...если бы фермы держали, да трактористов...сеяли, пахали...да дорогу-то здесь сделали...земли здесь было много». Застройку сохранила только д. Сергеево, насчитывавшая в 1930-е гг. более 20 дворов. Можно предположить, что она была в свое время «главной» деревней куста, т.к. в ней ранее находилась часовня, мельница для ближайшей группы деревень, а позднее разместилось правление колхоза. А.Я. Калиничева вспоминает: *«В Сергееве богатых особо не было. У нас было 3-4 коровы, 1 лошадь, 10 овец. Да 8 детей. Погреб в Сергееве были в горе. В школу ходили в Прокопьево. Отец имел лошадь, ездил за товаром в Няндому, иногда на заработки «по вербовке» в Архангельск; ходил на лесозаготовки в Сойду, Кузьмины Горы, Лихую Шалгу»* В последние годы местный предприниматель Абрамов в данной деревне восстанавливает старые, сохранившиеся дома с целью устройства туристического комплекса. (см. фото 5).

Никифоровский куст

д. Никифорова была самой большой во всей Ухотской волости. Она насчитывала 52 двора, что было исключительным явлением не только для Ухты, но и для всего субрегиона. «С Никифоровы», - так определяют все остальные ухотляне жителей из деревень Никифоровского куста. В расположении этого куста деревень есть ряд схожих черт с Окологородом, что объясняется непосредственным его тяготением только к тракту. Никифоровский куст, так же, как и другие, подразделялся на две группы. *«Никифорово отдельно, а остальные деревни – Задний Конец. Там в Боброве был Петров день, там три деревни до Чуриловы»*, - В.Г. Карзина 1936 г.р. д. Боброва.

Несмотря на то, что деревни Ухотской волости прилегали к Петербургскому тракту, связь между ними в основном поддерживалась по проселочным дорогам. *«Дорог много было. Из Брюхова в Саустово ехали через Прокопьево. Она шла по кругу. Лесу не было такого большого»*, - Л.М.Иванушков. Через Палы проходили проселочные дороги из разных кустов Ухотского сообщества в Шильдскую волость, отстоявшую в стороне от тракта. Шильда, как и Ухта, входила в состав Вытегорского уезда. Между ухотлянами и шильдаками были тесные контакты социального и экономического характера. Поэтому сеть дорог была довольно обширна, и она имела большое значение. Это видно и по планировке деревень. Несмотря на то, что они относятся к приречному типу поселений, большинство из них имеет уличную планировку. В Низовском и, естественно, в Никифоровском кустах все поселения. В Ереминском кусту одна д. Леонтьево имеет рядовую планировку с домами, ориентированными на реку. В Ближнем Верховье рядовая планировка в Юркино и Поганино, а в Дальнем Верховье - в Сергеево и

Козулино. Ориентация на дороги объясняется еще и необычайно высокими берегами порожистой Ухты.

Особое значение дороги имели для Палов, которые представляли собой, по словам информантов «небольшой мирок среди лесов». В Палах, официально относившихся к Ухотской волости, с административным статусом сельского общества и небольшим числом деревень, был самостоятельный погост. В 1930-50-е гг. существовал Паловский сельсовет, после ликвидации которого жители выехали в Чурилово. История Палов явилась подтверждением необходимости выделения ячейки между кустом и волостью, более полно отражающей зависимость территориальной общности от законов развития системы расселения. В отличие от административной единицы – волости, сообщество выделено нами на основе совокупности исторического естественного тяготения единиц системы расселения к единому общему центру.

В субрегионе **Верхняя Онега** для обследования выбрано две модельных волости. Это Александровская волость Каргопольского уезда и Шелтомская волость Пудожского уезда (90 км. от Каргополя). В конце XIX в. по реке Онеге на участке от устья реки Кены до устья реки Моши проходила граница между двумя уездами. Две волости разделялись рекой, хотя ранее сформировавшаяся здесь система расселения была единой. Данная территория достаточно обширна. Она включает в себя сложную сеть поселений, претерпевшую на протяжении 5 веков большие административные, исторические и социальные изменения. (см. схему 5) Развитие территории с XVI по XX века создало интересную ситуацию в плане социально-экономических, пространственных и сакральных взаимоотношений между ее составными частями. Это позволило рассматривать модельный участок как единый и наиболее сложный, требующий взвешенного подхода в оценке эволюционных факторов в системе расселения. Субрегион имел два важнейших структурообразующих элемента – реку Онегу и Петербургский тракт, проходивший вдоль правого берега реки. Онега в этих местах значительно шире, чем в верховьях. Ее долина – равнина, спускающаяся к руслу пологими откосами по обоим берегам. (см. фото 6 вид Бережнодубровского куста в начале 1960-х гг.)

К XVI в. на изучаемой территории сформировалось две волости – Плесская и Бережнодубровская. Первая из них располагалась в районе устья реки Кены и ниже по р. Онеге. Сакральный центр – Плёсский погост находился на правом берегу Онеги. За плёскими деревнями практически сразу начинались сельхозгодия деревень волости Бережная Дуброва. Состав этой волости был достаточно сложен. Переписчики XVI в. констатировали: «...и всего в волости Дуброве 2 погоста, а в них две

*церкви, да к погосту ж тяглых 23 деревни...».*⁶ Вокруг Бережнодубровского погоста (левый берег Онеги) объединялись деревни по обоим берегам Онеги на протяжении более 30 км. «*В Никольском приходе что Никола чудотворец на Дуброве на реке Онеге*».⁷ Четыре деревни «*...на Коневе у порогов на ручью против Онеги*»⁸ на правом берегу реки на середине пути между Плёсским и Бережнодубровским погостами упоминаются в составе то одной, то другой волости. К XVIII в. они окончательно были определены к погосту на Дуброве. У Ильинского озера в 15 км. от правого берега Онеги сформировался свой погост: «*Да на Задней Дуброве церковь Ильи Пророка*».⁹ В XVII в. деревни Задней Дубровы выделились в самостоятельную волость. В этом веке здесь был основан второй по значению старообрядческий скит на Севере, что увеличило численность данной волости. В каждой из волостей было свое управление и имелись определенные границы лесных и сельхозугодий.

В 1784 г. был образован Пудожский уезд, к которому отошло левобережье рек Кены и Онеги. Естественные волости, со сложившимися тесными взаимосвязями были искусственно разделены. К концу XIX в. на административной карте изучаемой территории организованы волости: в Каргопольском уезде Мишковская (с 1897 г. Александровская) волость, состоявшая из пяти сельских обществ – Коневского, Плёсского, Заднедубровского, Луговского и Корельского; в Пудожском уезде Шелтомская волость в составе трех сельских обществ – Бережнодубровского, Горского и Шелтомского.¹⁰ В результате предварительного районирования модельных волостей было выделено 5 сообществ поселений – Бережнодубровское (Шелтомская и Александровская волости), Коневское (Александровская волость), Плесское (Александровская и Шелтомская волости), Заднедубровское и Луговское (Александровская волость).

Бережнодубровское сообщество.

Наиболее сложной представляется история Бережнодубровского сообщества. До начала XIX в. Бережнодубровский приход объединял кусты деревень – на левом берегу Онеги: собственно Бережнодубровский и Подкарельский, на правом берегу Корельский и Коневский. Но к 1880-м годам, в результате преобразований составов приходов, которые основывались на естественном тяготении деревень, данный приход уменьшился по причине «отхода» Подкорельских деревень к Красновскому приходу и выделения в самостоятельный приход Коневских деревень. В то же время прихожанами Бережной Дубровы стали крестьяне Горского куста. В итоге к концу XIX в. Бережнодубровское сообщество состояло из трех кустов деревень – Бережнодубровского, Горского и Корельского. Современник описываемого периода, священник Казанский опубликовал в «Олонецких

губернских ведомостях» ряд очерков об истории, занятиях и быте крестьян Бережнодубровского и Коневского приходов. Благодаря этому грамотному, подробно составленному описанию, мы имеем достаточно полную картину состояния изучаемой территории на конец XIX в. *«Бережнодубровский приход расположен на красивых берегах реки Онеги, которая делит его в административном отношении на две части. Немногочисленные, но многолюдные деревни прихода тянутся по обеим сторонам реки, от юга к северу на протяжении 12 вёрст»¹¹.*

Сакральным центром Бережнодубровского сообщества был одноименный погост, который находился в черте деревень Бережнодубровского куста. *«Погост расположен на отлогой возвышенности, спускающейся к реке Онеге и прорезанной живописными оргами, с ручейками ключевой воды. Оргами местные жители называют ложбины или долины, покрытые сочной травой и узким концом своим растянувшиеся до самого берега Онеги»¹².* Погост состоял из двух церквей. Сохранившаяся кубоватая многоглавая Никольская церковь 18 в. является одним из лучших памятников деревянной архитектуры Поонежья (см. фото 7). О значении Никольской церкви для прихожан Бережнодубровского прихода имеется свидетельство в отчете благочинного третьего округа: *«Многие соблюдают обычай, отправляясь в дальний путь или на заработки и потом возвращаясь домой, служить молебны в храме Святителю и Чудотворцу Николаю»¹³.*

Жители соседних селений в настоящее время называют куст из четырех слившихся деревень, расположенных по обе стороны от погоста одной деревней Бережная Дуброва. С противоположного берега реки она выглядит единым массивом застройки. Уже в XIX в. эти деревни – Филькинская, Вороновская, Токаревская и Череповская практически не разделялись между собой. Каждая деревня имела второе название, которое используется в речи бережнодубровцев. Филькинская – Нижняя, Череповская и Токаревская – соответственно Заорожье и Красный Посад. Церкви находятся в деревне Вороновской, которую жители именуют Дубровой. Границами между деревнями служат оргы. *«Все помянутые четыре деревни, с расположенными среди них церквами и домами духовенства, составляют одно нераздельное село, тянущееся в линию по тракту более чем на версту. Внешний вид их довольно правилен: расположены по длине реки в линию, при чем большинство в два ряда, по обеим сторонам дороги, меньшинство в один ряд по самому берегу реки»¹⁴.* Только одна д. Кузнецовская отделяется от остальных небольшим перелеском. Все деревни были средней дворности.

Несмотря на то, что после вхождения в Пудожский уезд было утрачено традиционное название Бережнодубровская волость и введено искусственное – Шелтомская, Бережная Дуброва продолжала оставаться

не только духовным, но и административным, социальным и торговым центром округа. Ярмарок здесь не проводилось, но как торговый центр (торговые ряды были в церковной ограде) он до сих пор сохранился в воспоминаниях местных жителей. По их словам здесь проживали и самые зажиточные крестьяне, которые имели возможность сдавать свои дома чиновникам и интеллигентам. *«В Вороновской выстроен Пудожским земством прекрасный дом, в котором помещаются мужское и женское училища. В деревне Филькинской довольно приличные дома, некоторые даже двухэтажные, дающие квартиры: становому приставу, помощнику лесничего и акушерке. Здесь же помещается и земская станция. К северу от нее мыза местного лесничего. В Череповской имеют квартиры: мировой судья, земский врач, фельдшер и урядник. В поле, в низкой ложбине между деревнями Токаревской и Кузнецовской, устроена Пудожским земством больница»*¹⁵. Разноплановые высказывания информантов подтверждали историческую значимость Бережной Дубровы для всей округи. Для многих старожилов она ассоциируется как «цивилизованное село». На социальную память повлияло наличие социальных учреждений, функционировавших достаточно долгий период, и обслуживавших жителей деревень не только Бережнодубровского сообщества, но и из всех близлежащих местностей. *«В Бережной Дуброве все интеллигенты жили. Там особенные люди были. Сейчас уж нет никого»,* - Н.С. Мальцева, 1946 г.р.

Сельскохозяйственные угодья Бережнодубровского куста располагались полосой за линией поселений. *«Поля, раскинуты уже на возвышенных местах. Простираясь выше и выше, открывают зрителю необъятные пространства на несколько вёрст...Берега реки, покрытые сочную травую, представляют собою завидный сенокос в крестьянском хозяйстве. Лесу, годного не только на постройку, но даже и на дрова, вблизи деревень не имеется»*¹⁶. Они непосредственно соседствовали с полями другого куста сообщества – Горского, состоявшего из 4 среднедворных деревень. Занимаемое ими в пространственном плане обособленное положение между Бережной Дубровой и Плёмсом, стало основанием для организации самостоятельного Горского сельского общества. До 1880-х гг. крестьяне этих четырех деревень были прихожанами Плёмского прихода и входили в Шелтомское сельское общество. У этих деревень самоназвания не было, и нет. д. Горку они главной не называют. Известно, что в XIX в. только в этой деревне активно развивались промыслы (кожевенное и гончарное)¹⁷, а в колхозный период в ней находилось правление колхоза. В то же время Казанский пишет: *«Победнее прочих считаются деревни Авдотьинская и Горка, приписанные к Дуброве в 1871 г.»*¹⁸. Авдотьино и Горка находятся в единой визуальной видимости, когда Надконецкая и Верещагино выше

по реке. Эти группы деревень имели не только пространственное разделение. По словам местных жителей «У верещагинских «больше дружба» с Надконецким, а Горки с Авдотьино», - А.И. Огорельцева, 1925 г.р. д. Верещагинская. Во всех деревнях были часовни, из которых к настоящему времени сохранилась только одна в д. Авдотьино. (см. фото 8) На правом берегу реки в 7 км. от погоста находился Корело-новинский куст, состоящий из трех деревень. Тесные взаимосвязи корельских крестьян с Дубровой труднообъяснимы. Корельский куст находится на Петербургском тракте и пространственно, и административно был ближе к Коневу.

Конёвское сообщество.

Эволюция Бережнодубровского сообщества иллюстрируется историей Конева. Оно состоит из 4 близкорасположенных деревень на правом берегу Онеги и на первый взгляд, подходит под классификацию куста поселений. С открытием Петербургского почтового тракта в сер. XVIII в. изменился социальный статус коневских деревень. В одной из них была основана почтовая станция, ставшая второй по значению после Каргополя в пределах уезда. Это повлияло на последующую концентрацию административных и социальных учреждений в Коневе и, соответственно, на приток населения. Для примера приведем несколько выдержек из административных справочников вт. пол. XIX в.: «1857 г. Становой пристав в д. Лукояновской¹⁹. 1866 г. Мишковская волость²⁰. (Кстати, появление новых названий волостей, связанных с местонахождением волостных правлений, было распространенным явлением в сер. XIX в.) 1873 г. В д. Лукояновской часовня, волостное правление, обывательская станция, торжок; в д. Мишковской сельское управление, почтовая станция, ночлег для арестантов²¹». Во второй половине XIX в. дворность этих деревень сильно увеличилась, и они практически слились (см. фото 9). Обратившись вновь к очерку Казанского, мы читаем: «Лукояновская и Мишковская – составляют деревню Большое Конево, тянущуюся на 1 ½ версты по линии Архангельского тракта. Дома в них выстроены по обеим сторонам дороги и, за немногим исключением, по своему дородству, объему и красоте могут смело конкурировать с незатейливыми и убогими хижинами захолустных небогатых городков нашей раскинутой Олонии. Проймачевская и Ектыша расположены по тому же тракту, в 1 ½ верстах от последних, в одну линию – длиною на целую версту и составляют одну деревню, под названием Малого Конева»²². В обиходной и официальной речи утвердились наименования Большое Конево и Малое Конево. Из документов и воспоминаний известно, что при часовне в Большом Коневе два раза в год проходили большие ярмарки, куда съезжались жители со всех окрестных волостей, как Каргопольского, так

и Пудожского уездов. Несмотря на возросшую социальную значимость и принадлежность к другой волости в другом уезде, коневские крестьяне до 1880-х гг. оставались прихожанами Бережнодубровского прихода. В 1882 г. коневцы обращаются в Олонецкую консисторию с просьбой о разрешении строительства своей церкви. Просьба была удовлетворена и в 1886 г. Коневский приход был открыт. Вышеописанные события подняли значимость Коневского куста деревень до уровня сообщества. Одним из последних атрибутов в его формировании было создание собственного сакрального центра и, таким образом, окончательным изменением взаимоотношений с Бережной Дубровой.

Формирование в XIX в. благодаря совокупности нескольких факторов (разделение уезда, государственная дорога с сопутствующими учреждениями), и как следствие, появление ряда социально-экономических (увеличение численности населения, собственный сакральный центр) и пространственных (резкое увеличение линий застройки и ее концентрация, слияние деревень) изменений и, как результат, только один увеличенный куст деревень в составе сообщества – редко встречающийся пример в системе сельского расселения Севера. Бережнодубровское сообщество XVI-XVIII вв. перестало существовать как ячейка единства и взаимодействия кустов деревень. Можно сделать вывод, что сообщество, как социальный институт, находится в постоянном развитии. Основными причинами его эволюции или стагнации являются социально-экономические. Примером этого являются Бережнодубровское и Коневское сообщества Верхней Онеги.

Плѣсское сообщество.

Плѣсское сообщество включало в себя 2 куста многодворных деревень на обоих берегах Онеги. Соответственно, в к. XIX в. эта территориальная единица объединяла деревни в составе сельских обществ двух разных волостей. Историческая ситуация здесь имеет много общего с Бережной Дубровой. Но вариант развития системы расселения здесь принципиально другой.

Плѣсский погост был на правом берегу в составе Плѣсского куста (7 дер.). Наряду с рекой, структурообразующим элементом для него была дорога на Пудож. Деревни имели комбинированный тип планировки, где наряду с уличной, присутствовали элементы рядовой. Главной доминантой всей округи была церковь Плѣсского погоста, которую было видно из всех плѣсских деревень. На левом берегу находился Пожаровский куст (7 дер.), имевший аналогичную Плѣсскому кусту планировочную структуру. Было отмечено пространственное соответствие в расположении деревень. Они располагались на обоих берегах реки друг напротив друга. Аналогично деревням верховий Онеги

они образовывали пространственные пары с той лишь разницей, что ширина Онеги в Плесе была гораздо больше.

Деревни на левом берегу составляли Шелтомское сельское общество Пудоожского уезда. В д. Шелтомской было волостное правление в пер. пол. XIX в. Возможно, это было связано с тем, что, Шелтомское сельское общество находилось в центре искусственно образованной Шелтомской волости. В д. Шелтомской был перевоз с Пудоожской стороны на Каргопольскую. Наименование «Пожаровский куст» дано на основе характеристики информантами этой деревни. Сведения относятся уже к XX в., но мы предполагаем, что ее значение для ближайших деревень было и ранее. Пожаровская оказалась к сер. XX в. самой большой деревней. Здесь было правление к/х, школа, ферма, клуб. *«Пожары была всех больше, она как бы объединяла все деревни», - В.Н. Крехалева, 1934 г.р. В.И. Старицына, родом с Кены, приехавшая в д. Пожары в н. 1950-х гг., рассказывает, что в Плесе жили лучше: «Поля лучше были. Лошади лучше. Люди позажиточнее жили. И дома побольше были. Но в Кене веселее было. Плесяна любили зубок потянуть. Когда приехала в Плесо, там еще некоторые ходили в домотканых сарафанах. У нас в Кене многие в войну перешли».*

Разделение уездов так же как в Бережной Дуброве оказалось мерой, изменившей взаимоотношения внутри Плесского сообщества, но не разделившей его, так и не сделав системы деревень на разных берегах самостоятельными. В Плесе не случилось прецедента усиления одной из составных частей. Видимо, сказалось значение более сильных центров: Бережная Дуброва и затем Конево. Сакральным центром деревень обоих берегов остался Плесский погост. Жители левобережья оставались его прихожанами. Социальные взаимосвязи плесских деревень (общий праздник—Успенье, церковно-приходская школа при погосте) сохранились. С 1929 г. все деревни Плеса организуются в отдельный Плесский сельсовет. Главным кустом продолжал оставаться Плесский. Административные учреждения находились вблизи бывшего погоста: *«Центром считался Погост, по народному, а так Вознесенская деревня. Там магазин, почта была, сельсовет, школа», - М.И. Харин, 1926 г.р.*

Заднедубровское сообщество.

Заднедубровское сообщество, в отличие от вышеописанных, на протяжении исторического периода с XVI до сер. XX в. является примером «устойчивого» сообщества поселений. Как самостоятельная административная единица Задняя Дуброва просуществовала до конца XVIII в. Она не была затронута территориальными преобразованиями 1784 года. Но в ходе экспериментов над волостными границами во времена Николая I заднедубровские деревни в статусе сельского общества оказались подчиненными волостному центру в д. Мишковской.

Но о том, что Задняя Дуброва имела в тот период сильную тенденцию к обособлению, свидетельствует тот факт, что в 1911 г. она вновь получила статус волости. Ильинское озеро с топкими болотистыми берегами и дорога на Лельму (бассейн реки Моши) явились элементами, образующими структуру поселений Задней Дубровы. Сообщество состояло из двух кустов: Часовенского (3 дер.) и куста, имевшего своеобразное самоназвание Конец (5 дер.). За «Концом» на многие сотни километров простираются болота, далее дорог не было, и нет. *«Лучше Часовенская общалась с Нижней, над жителями Конца как-то подсмеивались, какой-то не такой народ был, но не скандалили»*, - А.И. Тяпкова, 1925 г. р., д. Часовенская. В Часовенском кусту находился погост, от которого в настоящее время остались руины шатровой церкви. Наличие погоста в д. Часовенской послужило основой ее ведущего статуса. Все информанты называют ее «главной» деревней. До 1970-х гг. здесь находились все социальные и производственные учреждения заднедубровской округи. Старые погосты являлись своеобразными стержнями сохранения составляющих сообщества, а в случае с имеющей пространственную обособленность Задней Дубровой – своеобразной гарантией их стабильности и самодостаточности. Третьей составляющей сообщества было единичное поселение Чаженьга, расположенное в 18 км. на дороге Конево-Лельма. Нахождение вблизи старообрядческого скита ассоциировало Чаженьгу с «поселением в глуши» и придавало ей своеобразный ореол (см. фото 10). В Чаженьге даже был приписной к Заднедубровскому приход. Большинство деревень Задней Дубровы было средней дворности.

Луговское сообщество.

Каждое сообщество обследуемых волостей различается по истории существования. На нюансах их формирования и развития в рамках данной модельной территории можно обозначить большинство критериев этой территориальной единицы. Последнее на изучаемой территории сообщество – Луговское. Оно располагалось в 10 км. восточнее Плесского в стороне от р. Онеги. Луговской куст (Луги) состоял из двух тяготеющих друг к другу деревень. Они находятся в середине прямой крайних точек огромной излучины, которую образует в этом районе р. Онега. Именно здесь, при организации почтового тракта был спрямлен исторический створ дороги, проходившей по берегу Онеги. что сокращало путь на 40 км. Тракт прошел через Луги, т.к. учитывались существующие на то время поселения в местах его потенциального прохождения (см. фото 11). Дворность деревень Луговского куста резко увеличилась. Это стало возможным не только благодаря новому элементу формирования поселенческой структуры, но и значительному ресурсу разрабатываемых угодий. Решающую роль сыграла пространственная

автономия. В к. XVIII в. в Лугах образуется свой приход и недолгий период даже была Луговская волость. Небольшой кусочек поселенческой ткани размером с уголья одного куста деревень смог на протяжении ста лет сформировать систему внутренних социальных взаимоотношений, характерных для статуса сообщества. Но для административных изменений к. XIX в. недостаточно было только естественно сложившихся взаимосвязей и наличия погоста. Несмотря на значительную населенность Лугов: в одной д. Мартемьяновской проживало более 600 чел., и она являлась самой большой в Каргопольском уезде, Луговское сообщество не могло стать отдельной волостью. Для этого административного института необходимо было более значительное пространство. Поэтому было образовано Луговское сельское общество.

Модельная территория Александровской и Шелтомской волостей Верхней Онеги характером эволюции системы расселения и разнообразием изучаемых процессов позволила считать ее одной из ключевых в дальнейшем изучении темы. Разноплановость мер административно-территориального характера этой территории на протяжении XVI-XIX вв. позволила обозначить два направления административных изменений – внешние (меры преобразования сверху) и внутренние (меры, соответствующие естественному развитию конкретных территорий). Пытаясь определить влияние обоих направлений на развитие системы расселения, мы сделали вывод, что ее устойчивое состояние в период с XVI по XIX век сохранялось благодаря верховенству внутренних факторов. На изучаемом участке Верхней Онеги, несмотря на сложные территориальные преобразования, не была нарушена устойчивость кустов поселений. Меры преобразования сверху послужили причиной эволюции ряда сообществ. Они изменили приоритеты в социально-экономической ситуации и повлияли на создание новых административных, социальных и даже, что не является характерным явлением, сакральных центров. Но на взаимосвязи между деревнями они не влияли.

Изучение исторических событий на этой территории в XX веке, имело целью определение характера дальнейшей эволюции традиционной системы расселения. В 1929 г. в общегосударственном масштабе произошли кардинальные изменения административно-территориальной структуры. В границах Каргопольского уезда было создано три района: Каргопольский, Приозёрный и Няндомский. Село Конево стало районным центром Приозёрного района. Для жителей же соседних сообществ по-прежнему главным социальным центром, еще до сер. XX в. оставалась Бережная Дуброва. Здесь продолжали функционировать средняя школа и больница. Было два детских дома. Но статус Конева как райцентра свою роль сыграл. С к. 1930-х гг. сюда

переводятся социальные учреждения. Они имели большое значение, так как с одной стороны, обслуживали всю округу, а с другой стороны имелось много работы для людей с образованием. В Коневе с к. 1940-х гг. начинается активная застройка. Параллельно линии домов вдоль старой дороги, выстраиваются новые улицы. Отсутствие моста через реку Онегу стало препятствием для экономического и социального развития левобережья Онеги. В 1960-1970-е гг., в Коневе съезжаются, часто со своими домами, жители со всей ближайшей округи. Сегодня село Коневе тянется вдоль тракта на 4 км (см. фото 12). О том, что оно состоит из четырех деревень, помнят только местные бабушки. А Бережнодубровский куст в настоящее время совсем небольшой. Из сохранившихся домов много пустых (см. фото 13). Постоянные жители проживают лишь в 11 домах.

В начале 1970-х гг. окончательно ликвидируется все производство в плёских деревнях на левом берегу. Еще с к. 1940-х гг. молодежь отсюда начинает уезжать. В к. 1950-х гг. ликвидируется Плёсский сельсовет. *«Кто как уезжал из колхоза. «Звонарь» у нас был председателем. Он своих дочерей распахал по городам. Тетка Лидки Ильичевой подпоила Звонаря, справку взяла. У Задковых девки уехали «в няньки» по лесопунктам к своим родственникам. Остались Декабрина да я. Почему? - Я уезжала, да мама заболела и пришлось вернуться... С Верецагинской уезжали в Северодвинск, а с Погоста в Мурманск, потому что там были родственники...ну далеко не уезжали, всё на Севере», – А.Н. Туинова, 1941 г.р., д. Пожары.* Эти рассказы типичны для жителей всех деревень Каргополя. В 1960-е гг., с образованием совхоза «Коневский» прекращают свою деятельность два плесских колхоза. В 1970-е гг. деревни Бабинская и Антушевская (на правом берегу) выбраны в разряд перспективных. Они всегда находились очень близко друг к другу, и в этот период практически слились. Для местных жителей именно они имеют общее название Плёс. Сюда перевели ферму с Пожаров, здесь построили новые здания для школы, почты, магазина. Стали строиться двухквартирные дома. В настоящее время, несмотря на пока еще действующую ферму и начальную школу, Плёсо на грани вымирания. Молодежи практически нет. Кто еще остался, пытается уехать любым способом. Хотя, по словам бывшего агронома совхоза, здесь самые отборные пастбища для коров.

В Задней Дуброве и Лугах ситуация еще более удручающая. От Чаженги остался один разваливающийся дом, в Конце несколько пустых домов, от д. Жаровской не осталось ничего. Происходившие процессы аналогичны описанным в Плесе. В Часовенской и Мартемьяновской, бывших в свое время перспективными, ни производства, ни учреждений нет. В Часовенской сейчас большинство – пенсионеры. Работающих в

совхозном отделении всего 6 человек: зимой лес рубят, летом сено косят. *«В войну и то лучше было, все сохранили, сейчас ничего не осталось, ни скота, ни полей»*, - А.И.Тяпкина. В результате государственной политики на грани исчезновения не только кусты деревень, но целые сообщества. На данной территории все стянуло на себя Конево. И живет оно в основном за счет лесозаготовительного производства, которое одно пока развивается.

Мошинское сообщество.

В восточной части Каргопольского уезда в субрегионе «Бассейн реки Моши» модельным участком была выбрана Фатьяновская волость (140 км. от Каргополя). Значительная часть поселений волости привязана непосредственно к Мошинскому озеру. Административно Фатьяновская волость подразделялась на четыре сельских общества: Мошинское (западная линия берега), Заречное (восточная линия берега), Лимское и Шожемское, расположенные в низовьях рек Шожды и Лими, впадающих в реку Мошу. С XVI до XIX в. Лимь и Шожда были отдельными волостями. Они находились в «глуши», среди бескрайних моховых болот. Структура расселения там значительно отличалась от приозерной. В настоящее время Шожда и Лимь к Мошинскому сельскому совету не относятся, поэтому в данном проекте они не исследовались.

В границах Мошинского и Заречного обществ было выделено Мошинское сообщество (см. схему 6). С XVI по XVIII века данная территория имела статус Мошинской волости. На большом пространстве лесов и болот, обжитый район представляет собой своего рода ядро с большим количеством поселений возле Мошинского озера. Концентрация деревень по сравнению с другими аналогичными водоемами Каргопольского уезда была здесь более чем плотная. Для сравнения, озеро Лекшмозеро в западной части Каргопольского уезда аналогично по характеру береговой линии и превосходит Мошинское по размерам. На его берегах находилось только три куста деревень с населением 2300 ч. Глубоководное Кенозеро, еще большее по размерам, имеющее тектоническое происхождение и сложную форму многолучевой звезды со значительной протяженностью береговой линии располагало 64 деревнями с 5000 жителей. Крупнейшее озеро Каргополя, Лаче, по строению берегов отличалось. Большинство поселений, как в Ухте, располагались по берегам впадающих в озеро речек. Но сельхозгодия всех прилегающих к нему близлежащих территорий не обеспечивали поселенческую емкость, аналогичную на Мошинском озере. Основная масса поселений Фатьяновской волости - около 80 деревень, размещалась на его берегах. На сравнительно малой территории в к. XIX в.

сконцентрировалось более 6000 жителей. С. Поляков, исследовавший Каргополье, при том, что в первую очередь его интересовала археология, составил достаточно подробное описание Мошинской местности. Можно предположить, что она вызвала у него определенный интерес. *«В 120 верстах от г. Каргополя лежит живописное Мошинское озеро, по островам и берегам его разбросано до 80 деревень; из них только 8 селений не стоят непосредственно у озера; 3 деревни лежат около соседнего Модзера, 5 при реке Иксе. Озеро, по берегу которого расположена почти вся волость, имеет в длину 12 вёрст, а в ширину 1-2 версты, озеро рыбоводное, хотя и неглубокое»*²³. Связанное рекой Воезеркой с расположенным к югу Воезерским озером, Мошинское озеро и вытекающая из него в северной части река Моша представляют единую вытянутую с севера на юг водную систему. Озеро визуально не воспринимается «классическим» озером. Его вытянутые линии напоминают широкую сибирскую реку. Ассоциация большого озера с рекой присутствует во многих высказываниях информантов. Об этом свидетельствуют и наименования двух кустов поселений: Верхний конец и Понизовье. Деревни по обоим берегам озера воспринимаются единым поселенческим массивом. В какой бы точке озера не оказался человек, везде живописные кулисы озерных берегов обрамлены линиями исторической застройки. (см. фото 14)

При опросе местных жителей современное название озера, которое указано на картах – Мошинское интерпретируется как искусственное: *«Наше озеро Никольское. Мошинским потом назвали»*. Все приозерные поселения на протяжении нескольких столетий объединялись в Никольский приход. Погост находился на острове примерно в середине удлинённого овала озера и служил центром, сакрально объединяющим округу (см. фото 15). При визуальном восприятии точки погоста с любой деревни чувствовалась его «пространственная автономность» и равнозначность для деревень западного и восточного протяжённых берегов озера. 2 церкви, располагаясь по диагонали друг к другу, стояли на небольшом возвышенном участке острова. Полуразрушенная каменная Никольская церковь до сих пор остается пространственным ориентиром округи. Она видна практически из каждой деревни Никольского озера, но обособленно, как бы на расстоянии от массивов сохранившейся застройки. По словам информантов, погост не относился ни к одному из кустов деревень. Обследуемые ранее модельные участки не имели встреченного в Моше характера поселенческой ткани. Субрегион Окологород, Павловская волость которого явилась примером расселения вблизи города-центра, имела небольшую площадь. Все ее сообщества оставалась в зоне городского влияния по совокупности пространственных и социальных факторов. Вокруг Никольского озера сформировалась

система поселений, которой наиболее соответствовало понятие «центра» восточной части уезда. Потенциал сформировавшейся точки расселения с «ядровым», концентрированным расположением общей массы деревень, был продиктован, прежде всего, ресурсом земли вдоль берегов Мошинского озера. Усеянное деревнями Никольское озеро создало условия для сельскохозяйственного использования близлежащих к нему территорий. *«Вид на окрестности озёр Мошинского и Воезерского свидетельствует о трудолюбии жителей; всё пространство вокруг первого из озер, на протяжении вёрст 20 в окружности и версты на 2-3 в ширину, возделано и перепахано. Это уже совершенно безлесное место; рядом с пашнями здесь расстилаются луга и выгоны.»*²⁴. Концентрация большого количества кустов поселений с равномерным использованием емкости земледельческих угодий относило Мошу к разряду уникальных на Русском Севере.

Несмотря на равномерную заполненность берегов Никольского озера деревнями, они подразделяются на несколько кустов. *«...Вся масса этих деревень делится на отдельные группы, т.н. «улусы». Каждый «улус» группируется около своей часовенки, справляет свои праздники, принимая у себя все прочие «улусы» как гостей. Таково значение «улуса» в наше время, таково ли оно было прежде и не есть ли это указание на существование здесь древней волостной общины, - это вопрос другой»*²⁵. Данное свидетельство, относящееся к XIX в., является для нас очень ценным. Это дает основание для выделения кустов. В ходе экспедиции было выяснено, что термин «улус» сохранился в отношении одного куста. Сейчас он не бытует, но старожилы вспоминают, что еще несколько десятков лет назад он был распространен. Остальные группы поселений имеют самоназвания, которые и в настоящее время употребляются местными жителями. Большинство мошинских кустов расположены рядом друг с другом по берегу озера, разделением между ними зачастую служат естественные природные элементы – овраги и низменные участки. Если сравнить с классическими ухотскими кустами, то получается следующее. Во первых, мошинские кусты статуса сельских обществ не имели. Также их особенностью является то, что большинство не имеет ярко выраженной пространственной обособленности. Правда, в этом они схожи с кустами Надпорожской волости. В Моше большинство кустов было крупнее, чем в Ухте, но по количеству дворов и числу населения на каждый куст, мошинские уступали ухотским. Нужно отметить и то, что в Моше сельхозугодия находились в едином пространстве. Возможно, все это в совокупности было причиной отсутствия статуса обществ для отдельных кустов. При первом сравнении Фатьяновской и Александровской волостей напрашивается вывод, что они очень схожи по своей населенности. В первой насчитывалось 6525, а во второй – 5541

человек. Но в то же время по числу деревень они разительно отличались: 95 и 23. В Моше население проживало в малодворных деревнях, а в Александровской волости почти все деревни были крупнодворными. Необходимо отметить еще один особенный момент в системе расселения Моши. Деревни, расположенные вблизи озера в XIX в. писались с двойными названиями. Первое – официальное, а в скобках т.н. народное. В настоящее время бытуют те, что были народными. В Надпорожской волости и Бережной Дуброве тоже были деревни с двойными наименованиями, и местные жители помнят оба. А в сознании мошан сложилось представление, что названия деревень, которые сейчас существуют, это «советами» даны, а раньше были какие-то истинные. Но их, самое главное, почти никто не помнит. Данное обстоятельство осложняет работу при сопоставлении документальных сведений с полевыми данными. Вокруг Мошинского озера по настоящее время существует 8 кустов поселений. Мошинское сельское общество состояло из кустов: Ковкола, Курнинский улус, Лохта, Наволок. В составе Заречного сельского общества были Погостище, Верхний конец, Понизовье, Мадзеро. 3 куста в разные исторические периоды имели определенное социальное значение для сообщества.

Погостище.

Куст Погостище (5 дер.), расположенный в юго-восточной части озера, имел пространственную обособленность (см. фото 16). Среди его жителей распространена легенда: *«Пустили по озеру бревно, куда пристанет, тут построим погост. Оно пристало к нам сюда, но место не понравилось, спустили другой раз. Другой раз пристало на Погост»*, - В.А. Пономарева, 1929 г.р. Она является косвенным свидетельством того, что первоначально сакральный центр Моши, возможно, был здесь. В н. XIX в. в бассейне Моши образована Аксентовская волость, названная по одной из деревень Погостища. Можно сделать вывод, что на Погостище находилась администрация огромной волости, объединившей все волостки восточной половины Каргопольского уезда. Несмотря на болота в южной части озера, раньше дорога с Воезерского погоста на Мошинский шла через Погостище. Эта же дорога, уходящая дальше, связывала Мошу и Воезеро с другими восточными волостями (Елгомой и Лепшей) и шла далее на Онегу. Значение не только Погостища, но и куста Верхний конец зависело от старой дороги. Пространственная близость острова, на котором находился Никольский погост, дают основание предположить, что изначально и до середины XIX в. и сакральный, и административный, и торговый центры находились в восточной половине Мошинской волости. В сер. XIX в. здесь была станова квартира пристава 3 стана Каргопольского уезда²⁶. В д. Боровской в 1854 г. была построена первая в волости светская школа, ставшая земским училищем.

Две деревни Погостища - Аксентовская и Васюка-Толстаго в сравнении со всеми мошинскими деревнями были самыми большими. *«Эт-та все были двухэтажные дома. Много домов было. Тут густо было, даже на лошадях и не проедешь. Ездили о берег. А зимой дак ездили сюды берегом, как кто отту-то едет. Дома стояли врассыпную все. Теперь огороды наделали на тех местах. А это все деревня была»,* - А. П. Скозерова, 1929 г.р. Для жителей других кустов поселений Погостище – это богатое место. Очень часто проводится сравнение с расположенными неподалеку деревнями Мадзера. *«На Погостище богатые люди были в основном. (с уважением) Работящие. ...Деньги есть – дак веселюсь - На погосшанке женюсь. - Денег нету ни гроша, - И мадзёрка хороша.»*, - Н. А. Зубов, 1938 г.р.

В настоящее время вся территория восточного побережья имеет общее название Анташиха. В 1920-50-е гг. в границах Заречного сельского общества существовал Анташинский сельсовет с центром в д. Анташихе (Верхний конец). В 1960-1980-е гг. было Анташинское отделение Мошинского совхоза. В настоящее время нет ничего – ни сельсовета, ни отделения, но самоназвание Анташиха осталось. *«Наша сторона Анташиха славилась на всю округу. Никольское озеро, две Никольские церкви, церковно-приходская школа...»*, - К.А. Боровских. При отсутствии конкретной исторической информации подсознание местных жителей сохранило память о былом значении Анташинской стороны. Анташиха, сегодня представляет собой ряд небольших пустеющих деревень, где постоянное население состоит, в основном, из пенсионеров. Эти деревни пока существуют, но уже без определенной перспективы.

Ковкола.

Ковкола – самый многочисленный куст Моши, состоявший из 23 деревень. Все были малодворными. Ковкольский куст начинается в центральной части западного побережья Мошинского озера и тянется до его юго-западной оконечности. В настоящее время в Ковколе сохранились 16 деревень, живописно расположенных вдоль побережья большого озера и нескольких небольших внутренних озер. Самоназвание куста, видимо, связано с речкой Ковкало, впадающей в Мошинское озеро. В Ковкольском кусту выделяется группа деревень, имеющая самоназвание «Березник».

В сер. XIX в. образуется Фатьяновская волость, в которую вошло не только Мошинское сообщество, но и соседние – Воезеро, Лимь, Шожма. Название волости свидетельствует об определенном статусе деревни Фатьяновской Ковкольского куста. Но, видимо, власти поначалу не могли определиться, какой из деревень стать «главной». Из справочника за 1873 г. узнаем, что *«Фатьяновское волостное правление в д. Самсоновской при*

озере Козаковском. В д. Фатьяновской при о. Моше сельское управление»²⁷. Основной причиной перемещения в середине XIX в. административных учреждений на западное побережье стало удобное местоположение деревень Ковколы по отношению к тракту Каргополь-Шенкурск, по которому шло торговое сообщение с уездами Вологодской губернии. Власти больше учитывали не исторически сложившиеся центры, а удобное местоположение на торговой дороге. Возросшее административное значение Ковкольского куста усилило его обособление. Известно, что в XIX в. на острове в южной части озера в черте д. Исаковской уже существовала деревянная Ильинская церковь (см. фото 17). «Кроме того, есть еще церковь на островке Мошинского озера, это – Ильинская, которую местным крестьянам, выстроившим её, желательно бы сделать приходской и они ходатайствуют о назначении им причта»²⁸. Возможно, к этому периоду Ковкола была на стадии формирования сообщества, несмотря на то, что она не имела даже статуса сельского общества, находясь в составе Мошинского. Но в конце XIX в. «политическая ситуация» изменяется. В 1890-е гг. административные и социальные учреждения сосредотачиваются в деревнях Курнинского улуса.

Что касается Ковколы, то эти изменения урона поселениям не нанесли. В 1897 г. в деревнях Мартевской и Ильинский остров появляются земские школы. Дворность деревень увеличивается. В 1929 г. образуется Ковкольский сельский совет с центром в д. Казаковской. На его территории образуется три колхоза. В каждой из трех групп деревень была начальная школа, магазин, фермы. Дальнейшее развитие событий описано на примерах других поселений. В 1950-е гг. деревни начинают пустеть и сельсовет ликвидируется. А далее ликвидация колхозов, концентрация производства и выезд трудоспособного населения. Для многих мошан был выбор куда уехать: в официальный центр округа, в выстроенный леспромхозом у истока Моши поселок Заозерный, на железную дорогу в Няндому. Жители Ковколы чаще всего выбирали последнее. В настоящее время, при том, что большинство ковкольских деревень жилыми не считаются, во многих из них застройка сохранилась благодаря дачникам. В отличие от Окологорода основная часть дачников в Моше, проживая в Няндоме, имеет здесь корни. Ими зачастую используются родовые дома или строятся новые на месте старых. По этой причине планировочная структура деревень хорошо сохранилась.

Мошинский куст (Курнинский улус).

О наименовании «Курнинский улус» говорилось выше. «Курья, Макаровская, Поповская, Петариха и другие входили в Курнинский улус. Так и говорили – пойдём в улус. Теперь не говорят. Называют деревню», - М.Д.Кононова, 1923 г.р. «У них улус там (в Макаровской). Они в своем

улусе, говорят, жили. У них своя вечеринка была, у них свои праздники, а у нас свои», - К.А. Боровских. Всего в «улусе» было 11 деревень, располагавшихся в центральной части западного побережья озера напротив Никольского погоста. Последнее обстоятельство стало причиной перемещения в к. XIX в. в д. Макаровскую административного центра волости. В настоящее время д. Макаровская официальный центр Мошинского сельсовета. Ее первое название Кузнецовская. В 1890-е гг. в д. Кузнецовской располагается волостное правление²⁹. Произошедшие изменения напрямую связаны со строительством железной дороги Вологда-Архангельск в к. XIX в. На территории Олонецкой губернии она пересекла восточную половину Каргопольского уезда. Олонецкий губернатор в годовом отчете за 1897 г. отмечает, что железная дорога в целом для губернии большого значения не имеет, так как прошла через *«глухие малонаселенные места одного Каргопольского уезда»*³⁰. Действительно, из волостей, через которые прошла железная дорога, только Фатьяновская относилась к разряду густонаселенных. Но дорогу построили в 40 верстах от Мошинского озера, где концентрировалась основная масса деревень. Несмотря на это дорога имела огромное значение для данных местностей. Ее строительство и появление ж/д станций - важнейшая веха в истории сельских поселений в восточной половине Каргополья. Рабочий поселок и станция Няндомы, основанная в 1897 г. в месте пересечения Шенкурского тракта и железной дороги, стала новым экономическим центром всего Каргопольского уезда.

Строительство железнодорожной магистрали вызвало оживление торговли и связанных с нею промыслов крестьян. Продукты крестьянских промыслов – шкуры зверя, дичь, деготь и кожа основной сбыт имели в Вологодскую губернию. Происходило это на ярмарках, проводившихся на Мошинском погосте два раза в год. *«Благовещенская ярмарка на Мошинском погосте. Торговцев было 56 чел.: из Каргополя -1, Каргопольского уезда -5, Вельского у. -7, Шенкурского у. -13 и из соседних волостей 30 чел. В пользу Мошинской церкви поступило дохода 49р. 50к. Сечение народа до 2000 человек»*³¹. С развитием торгового движения по «железке» увеличивается число скупщиков и торговцев, растут цены. Это стало толчком к более активному развитию крестьянских промыслов. В Фатьяновской волости число дегтекурных заводов с 1893 по 1900 г. увеличилось с 3 до 12³². В своем субрегионе она являлась самой промысловой волостью и Мошинский погост пока оставался одним из важных торговых центров. В связи с этим, усилиями земства, активизировавшего в эти годы усилия по развитию экономики в уезде, была спрямлена дорога от Няндомы до берега Мошинского озера. Перенести сложившийся исторически торговый центр округа в тот период, когда еще были сильны традиционные устои в среде

крестьянства, для властей было сложнее, чем переместить административные и социальные учреждения. Поэтому створ дороги Каргополь-Няндом-Шенкурск был выпрямлен в сторону деревень Курнинского улуса. В начале XX в. в официальных документах эти деревни называются общим названием «селение Моша». Для местных жителей «Моша» - это в первую очередь деревни Макаровская и Поповская, и близлежащие к ним поселения. Большинство информантов из разных кустов деревень широко бытующее выражение «идти на волость» трактуют следующим образом. *«...На волость – в Макаровскую, там все пошире было: больница там была, магазины побольше»*, - К.А. Боровских.

Практически у всех местных жителей старше 65 лет твердое убеждение, что Макаровская раньше центром не была. Этот центр они вспоминают на Погосте. *«Когда ходили в Мошу, говорили: «на волость пойдём». Всё та сторона Моша. ...Раньше с Макаровской в школу ходили на Погост. Та сторона центром не была. Центр был Никольский погост, и озеро тоже»*, - Н.А. Зубов. Можно сделать вывод, что для социальной памяти большее значение имеет сакральность центра, усиливающаяся, если здесь сосредотачивается и торговля. К тому же на Погосте строится земская школа, где до середины XX в. получали среднее образование дети со всей Моши и даже с Воезера. В этой ситуации, сложившаяся на Мошинском погосте имеет много схожего с Бережной Дубровой.

Что касается современного центра, то здесь ни у кого сомнений нет. Когда спрашиваешь о местоположении какого-либо учреждения, отвечают: всё в Макаровской. Хотя в действительности они рассредоточены между деревнями «Моши». Макаровская, Петариха, Поповская плавно переходят одна в другую. Они находятся на низком берегу озера и, благодаря застройке, особенно в д. Поповской, типовыми домами 1970-80-х гг., представляют собой поселок барачного типа. Доминанта – огромное (для деревенских масштабов) здание школы. Вокруг на небольших холмах располагаются остальные деревни. В них большая часть застройки уже традиционная. Много перевезенных домов, из опустевших деревень.

В течение XX в. традиционная система сельского расселения пережила процесс глобальной трансформации. Несмотря на то, что модельные участки находятся на территории разных районов (в 1929 г. Каргопольский уезд был разделен на Каргопольский, Няндомский и Призерный: сейчас Плесецкий, районы), эволюционные процессы на селе аналогичны. С к. 1940-х гг. из деревни начинает уезжать молодежь и, как следствие, в к. 1950-х гг. укрупняются сельсоветы. Пик разрушения системы расселения пришелся на 1960-1970-е гг. в связи с политикой государства, направленной на ликвидацию деревень, объявленных

неперспективными. Концентрация сельскохозяйственного производства в перспективных селениях создала условия для экономического развития и привела к определенному улучшению социально-экономического положения сельского населения. Но экономический кризис 1990-х гг. многие достижения свел на нет. В итоге на сегодняшний день мы имеем исчезнувшие деревни и вымирающие укрупненные деревни-поселки. Т.о., традиционная территориальная структура оказалась в полной зависимости от социально-экономической политики государства. Поэтому для полноты исследования эволюции системы сельского расселения Окологорода был проведен анализ социально-экономических показателей по территории модельных волостей за три периода: н. XX в. (1901-1902 гг.), вт. пол. XX в. (1986 г.), н. XXI в. (2002 г.). Контрольным для анализа выбран 1986 г. – год наибольшего подъема в сельском хозяйстве, 2002 г. – десятилетний итог реформ в народном хозяйстве, начавшихся в 1992 г.

На рубеже XIX-XX вв. на территории Каргополя в целом сохраняется традиционный уклад северного крестьянского хозяйства. Использовалась общинная форма землевладения, связанная с такими атрибутами коллективного труда, как совместное использование земельных и лесных угодий, сельское самоуправление и др. С одной стороны, она полностью соответствовала традиционной структуре расселения, с другой стороны, способствовала ее устойчивому состоянию. Сельское хозяйство, основным направлением которого являлось земледелие, в Каргопольском уезде к началу XX в. не было высокопродуктивным. Размеры пашни, засеваемой в основном зерновыми, от общего числа земельной площади составляли 4-8%. Отмечается тенденция к снижению пахотных площадей. Численность сельского населения за счет естественного прироста стабильно увеличивалась. В среднем рост населения за 1893 – 1906 гг. составлял 18 %. Удельный вес крестьян в социальной структуре составлял 90-95%. Рост численности сельского населения и ограниченность почвенных ресурсов в кустах деревень привели к нехватке продовольствия. Растет число домохозяев, занятых на отхожих промыслах. На состояние системы сельского расселения, данные процессы пока не влияли: новых поселений практически не возникало, не было ни одной запустевшей деревни. В социально-пространственном отношении на изучаемых территориях было выделено 11 сообществ, деревни в которых объединялись в 34 куста. Большинство деревень Каргополя были малодворными. Наибольшее их число было в Окологороде – 90 %; в Ухте и Моше 70 %; и только в Коневской округе всего 5 %. Если в сообществах Окологорода число дворов на деревню составляло 5-10, то в Верхней Онеге, в Коневском сообществе – 30-50; число человек, соответственно, 30-40 и 350. Самым

крупным было Мошинское сообщество, где число деревень, от общего числа изучаемых составляло 28.8 %, а число жителей – 22 %. В то же время в Коневском сообществе, состоявшем всего из 4 селений, проживало 6.2% человек. Коневская округа за счет высокой населенности деревень насчитывала в 1901 г. до 9000 человек. В Окологороде, Ухте и Моше проживало от 4 до 5 тыс. человек.

Таким образом, модельные волости в к. XIX в. представляли собой следующее: 1. Окологород. Многочисленные малодворные деревни равномерной ковровой сетью располагались в открытом пространстве сельхозугодий, нетипично большом для этих широт севера. Деревни составляли 6 крупных (более 7 поселений) 2 средних (от 4 до 7 поселений) и 4 малых (до 3 поселений) кустов. Крупные кусты деревень были расположены в непосредственной близости от Каргополя между дорогами-трактами, и вдоль берегов верховий Онеги. Малые кусты образовывали «второй пояс» вокруг г.Каргополя и находились в основном на дорогах. 2. Ухта. Наличие как малодворных, так и среднедворных деревень. Более десяти деревень – в непосредственной близости от Петербургского тракта. Все деревни составляли 3 крупных и 2 средних куста. Крупные кусты тяготели к тракту. Средние – располагались по берегам реки Ухты выше по течению. Сельскохозяйственные угодья шли вытянутыми полосами вдоль берегов реки. 3. Коневская округа. Небольшое число очень многодворных деревень (сел) и деревень средней дворности. Большинство многодворных деревень располагались у Петербургского тракта. Они составляли 3 малых куста. 6 средних кустов располагались по берегам реки Онеги и на удалении от почтового тракта. 4. Моша. На небольшом пространстве берегов Никольского озера значительное количество малодворных деревень, составлявшие 7 крупных кустов. Крупного тракта вблизи не было. За зоной деревень сплошная полоса сельхозугодий. Лишь один куст находился на некотором удалении у берегов другого озера – Мадзера и был малым (в него входило всего 3 деревни).

Организация централизованного сельскохозяйственного производства в середине XX в. дала определенные экономические результаты. По всем направлениям сельскохозяйственного производства в Окологороде и Ухте показатели были выше, чем в Моше и Коневе. Это объясняется сельскохозяйственной специализацией Каргопольского района, в отличие от промышленных Няндомского и Плесецкого. Количество пахотной земли к 1986 г. увеличилось на 20% в Коневской округе и на 155% в Окологороде. В то же время ликвидация удаленных деревень и заброшенность многих проселочных дорог привела к выводу из оборота части традиционных сельхозугодий. По уровню развития земледелия ведущее положение остается за Окологородом, где размер

пашни составлял 23%. Произошло увеличение урожайности зерновых: на 31% в Коневе и на 107% в Ухте. Основным видом сельскохозяйственного производства становится животноводство. В Окологороде число коров увеличилось на 118 %. В связи с этим везде произошло увеличение площадей под посевы трав, и изменилась структура зерновых. Все производство на селе сосредотачивается вокруг ферм, местоположение которых приобретает большое значение. Концентрация производства сопровождалась укрупнением небольшого числа традиционных поселений, которые благодаря плановой нетрадиционной застройке превращены в поселки барачного типа, и ликвидацией т. н. неперспективных деревень. Места размещения производственных центров, и, в первую очередь, центральной усадьбы, определялись сверху по следующим принципам. 1. Близость к большой дороге. 2. Наличие уже сложившейся сети административных и социальных учреждений. Число жителей и качество сельскохозяйственных угодий, как правило, принимались в учет только при создании отделений совхоза. Местоположение центральных усадеб чаще всего совпадало с уже сформировавшимися административными центрами округа.

Социально-экономические процессы XX в. повлияли на состояние традиционной системы расселения. За период с 1893 по 2003 г. произошло сокращение количества деревень и снижение числа сельских жителей. На изучаемой территории, от общего числа существовавших селений к 2003 г. осталось 23.6%, а полноценно функционирующих - 8.6% деревень. Самые значительные утраты произошли в Окологороде, где осталось всего 8 жилых деревень из 106. Наибольшая сохранность поселений в Моше – 56 из 77 деревень. Практически везде кусты деревень трансформировались настолько, что количество деревень и состав угодий занимает лишь малую долю существующего пространственного потенциала. Общий процент малодворных деревень остался практически на том же уровне, но теперь к этой категории относятся пока еще существующие неперспективные деревни, где постоянно проживают только пенсионеры. Число малодворных деревень увеличилось в Коневской округе, за счет опустения ранее больших селений. При этом в целом по всем модельным территориям число крупных селений увеличилось с 6.5 % до 22 %, что связано с укрупнением определенного числа деревень. Население на всех территориях в целом за сто лет сократилось на 75.5%. Но показатели изменения численности населения в неперспективных деревнях и в «главном» кусте различаются. На центральных усадьбах происходит рост населения за счет переехавших. Там, где «главный куст» сохранил свой состав, увеличение произошло на 3-40%, а где сохранилась одна деревня – на 120-160%. В остальных деревнях процент снижения численности

населения намного превышает общий уровень и составляет 90-100%. Т.о. происходит концентрация сельского населения в определенных деревнях. Произошло уменьшение размеров сельской семьи. Если на рубеже прошлых веков среднее число человек на один двор составляло 5-7 чел./двор, то в 2003 г. – 2-2.5 чел./хоз.

Кризис 1990-х гг. разрушил все экономические достижения, а для еще сохранившихся сельских поселений наступил очередной критический период. За период с 1992 по 2002 г. используемость пашни сократилась до 2-4%. Площадь зерновых в Окологороде сократилась на 97%, на остальных территориях зерно совсем не сеют. Урожайность в сравнении даже с 1901 г. упала на 48%. поголовье коров в коллективных хозяйствах, по сравнению с 1901 г., в Окологороде и Ухте сократилось на 50-60 %, а в Коневе и Моше на 85%. При сравнении числа домохозяев в 1901г. и числа рабочих в совхозах в 1986 и 2002гг. получилось следующее. В 1986 г. рабочих в СХП было меньше числа домохозяев в Окологороде и Ухте на 30%, в Моше и Коневе – на 40-60%, а в 2002 г. уже на 80-90%. Это при том, что к домохозяевам относились только мужчины, а число рабочих составляют представители обоего пола. В настоящее время в населенных пунктах всех сельсоветов процветает безработица, хотя официально она не регистрируется. В большей мере деревня живет за счет лесозаготовительного производства, где занята основная часть трудоспособного населения. Крестьян в деревне нет. С 1992 по 2003 г. произошло уменьшение общей численности населения на 21%. В Ухте и Моше, удаленных от районных центров, где проблема с занятостью населения и решением социальных вопросов наиболее сложная, численность населения за 10 лет сократилась на 31%.

Традиционная система сельского расселения на всех модельных участках оказалась в полной зависимости от социально-экономической ситуации. Наибольшие утраты понесли те сообщества, где система сельского расселения состояла из рассредоточенных малодворных деревень. Например, в Окологороде все 12 кустов деревень в настоящее время относятся к категории разрушенных (сохранивших менее 50% исторических поселений), 4 из них отнесены к подкатегории исчезнувших (не сохранивших поселений). В меньшей степени «пострадали» системы поселений с небольшим числом многодворных деревень, и там, где деревни, даже малодворные, располагались компактно, и, что немаловажно, вблизи центральной усадьбы, (но не города). Как пример можно привести Коневскую округу и Мошу. В Моше все 8 кустов деревень относятся к категории сохранившихся (сохранившие более 50% исторических поселений). Из них 5 отнесены к подкатегории сохранивших структуру (сохранившие более 80% поселений), и 3 – с частично нарушенной структурой (от 50 до 80 %). Из 9 кустов Коневской

округи все – сохранившиеся. Из них 4 с частично нарушенной структурой и они расположены на удалении от тракта и с. Конеево. Ухта занимает в этом плане промежуточное положение. Из 5 кустов деревень 3 (находившиеся выше по течению реки) – относятся к категории разрушенных. На всех территориях изменились границы открытых пространств сельскохозяйственных угодий. Причем в значительной степени это касается разрушенных кустов деревень в Окологороде и Ухте. Постепенный процесс зарастания полей лесным подростом, длящийся более 30 лет, в настоящее время перешел в активную фазу.

В настоящее время традиционную территориальную структуру можно считать в большей степени разрушенной. В обследуемых волостях круглогодично используется: в Павловской 9% , в Надпорожской 5%, в Ухте 28%, в Моше 65%, в Конеевском сельсовете 49% деревень. Но из них полноценно функционирующее число деревень составляет соответственно: 1, 1, 4, 10, 6.

Исследования модельных волостей Каргополя подтвердили справедливость проведения районирования региона и обоснованность введения ячейки «сообщество поселений». В каждой из волостей ячейки районирования выстраивались в систему: волость – сообщество – куст – группа – деревня. Границы волости XIX в. иногда совпадали с сообществом, но чаще были шире. Территории сообществ в основном соответствуют границам волостей XVIII в. При этом сообщество оставалось наиболее динамичной ячейкой, которая в ходе естественной эволюции отражала характер формирования социальной общности системы расселения. В периоды административных преобразований сохранялось естественное тяготение кустов деревень друг к другу. Общим для всех поселений является наличие погоста как центра сообщества, а не волости. Самоназвание сообщества являлось историческим наименованием погоста и, несмотря на утрату большинства храмов, и самих сельских поселений, сохраняется. Помимо погостов большую роль в формировании социальной общности играли дороги и, особенно, тракты. Характер преобразований XX в. смог изменить веками устоявшуюся ситуацию. Изменение отношений в использовании угодий у каждого куста деревень повлекло за собой разрушение первичной ячейки расселения – деревни и глобальную трансформацию более высоких территориальных единиц – сообществ.

Примечания.

1. Тормосов Д. В., Тормосова Н.И. Пространственная структура Каргополя // Каргополь. Летопись веков. – Москва, 2004. – С.40-56.

2. Статья принята для публикации в сборник научной конференции Народный костюм и обрядность на Русском Севере, Каргополь, 2004.
3. Там же. В данной статье территория Окологорода подробно рассматриваться не будет.
4. Олонецкие губернские ведомости, 1895, № 9.
5. НАРК, Ф. 27. Оп. 3. Д. 74/657. Землевладение по генеральному или специальному межеванию по Вытегорскому уезду. Б.д.
6. Материалы по истории Европейского Севера СССР. Вып.2. – Вологда, 1972 (публ.: «Платежная книга Каргопольского уезда, составленная около 1550 г. по книгам письма В. Сабурова и И. Кутузова). А также: Описи дьяков К. Дубровского и Л. Ананьина в приеме дани и оброков с Каргопольского и Турчасовского уездов.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Олонецкий сборник, Петрозаводск, 1894, Вып. VI.
11. ОГВ, 1892, №№ 62-68.
 - Там же.
12. НАРК, Ф.25. Оп. 1. Д. 78/12.
13. ОГВ, 1892, № 64
14. Там же.
15. Там же.
16. Там же.
17. НАРК, Ф. 27 Оп.2. Д.9/119. Кустарные промыслы и списки селений, жители которых занимаются кустарными промыслами. 1875 г.
18. ОГВ, № 64.
19. Памятная книжка Олонецкой губернии на 1857 г. Петрозаводск, 1858.
20. Картотека КГИАХМ.
- 21 Олонецкая губерния. Список населенных мест по сведениям 1873 г. – С-Петербург, 1879. С. LXXIV.
22. ОГВ, № 68.
23. Поляков. Исследования по каменному веку в Олонецкой губернии, в долине Оки и на верховьях Волги. - Записки Императорского Русского Географического общества. Отделение этнографии. Т. IX.. СПб., 1882. С. 47.
24. Там же.
25. ОГВ, 1895 г. № 9.
26. Олонецкая губерния. Список населенных мест по сведениям за 1873 г.
27. Там же. 28. А.А.Шустиков. По деревням Олонецкого края. (Поездка в Каргопольский уезд). – Вологда, 1915.

29. НАРК, Ф.27 Оп.2 .Д.19/291. Списки волостей по станам с указанием разных статистических сведений. 1900 г.
30. НАРК, ф.27 оп.2 д.16/252 Отчет Олонецкого губернатора за 1897 г.
31. ОГВ, 1892 г. №33.
32. Тормосова Н. И. Экономическое положение Каргопольского уезда в конце XIX – начале XX века. // Каргополь. Летопись веков. – Москва, 2004. – С. 57-76.